

Письмо начальника отдела попечения о пленных при Министерстве национальной обороны П. Максы министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу по вопросу об участии чехословацких войск в интервенции в России

Прага

11 февраля 1919 г.

Уважаемый друг,

от господина президента я узнал о телеграмме, посланной Вам редактором Павлу, в которой содержится протест против того, чтобы я выступал от имени легионеров. Я считаю своим долгом объяснить Вам следующее:

По моему мнению, эта телеграмма была вызвана большевистской агитацией среди наших солдат. Вероятно, утверждается, что я выехал в Прагу для переговоров с правительством о ликвидации конфликта и возвращении наших войск. В действительности дело выглядит следующим образом: как Вы знаете от д-ра Марковича, я до самой последней минуты предпринимал все возможные меры для предотвращения конфликта. Я делал это потому, что знал, что конфликт означает для нас остаться в России и ввязаться во внутреннюю русскую борьбу. И я опасался того, что этот факт в ближайшем или более отдаленном будущем создаст угрозу внутреннему единству наших войск, да и общественность нашей страны не одобрит такой шаг. Еще до возникновения конфликта я поэтому отказывался выполнить требование генерала Лаверня оставить часть наших войск в Советской России. Я вблизи наблюдал игру союзников, особенно французов, с русскими политическими партиями и особенно ясно видел, что: 1) сила Советского правительства недооценивается и 2) что исключено, чтобы Россия могла возобновить войну против Германии. При определенных условиях именно лишь Советское правительство было способно на это. Я видел также, что преувеличивается значение влияния немцев в России и что мотивы большевистской политики совершенно иные, нежели германофильство. Свои шаги для ликвидации конфликта, в том числе и согласие на разоружение как цену за право отъезда, я предпринимал еще в первые дни заключения (с согласия и при участии) французской военной миссии *. Когда же мои попытки не удалось, я спокойно сидел в тюрьме до конца ноября. Моя радость по поводу военных и политических успехов легионов всегда омрачалась наблюдениями того, что происходит в России: как антибольшевистская кампания все больше превращается в кампанию реставрации, как по этой причине она терпит одно поражение за другим, как союзническая помощь не приходит и не может прийти именно из-за социально-политического характера всей кампании, как с поражением Германии она утратила ту часть своего характера, из-за которой являлась притягательной для всей общественности также в союзных странах. Кроме того, я имел сведения от Пшенички о том, как характер борьбы оказывает разлагающее влияние на наших людей. Чем дальше, тем яснее я понимал, что эта кампания весьма косвенно связана с нашей национальной борьбой и какие таит в себе трудности для будущего.

* О них знали и согласились также д-р Маркович и г-н Чермак (примечание П. Максы).

Окончилась война с Германией, у нас провозглашена самостоятельность. Приходило все больше вестей о том, что наши парни уходят с фронта в тыл. Муна и компания уехали на родину агитировать. Тогда я сказал себе, что совершенно необходимо кому-нибудь из нас отправиться домой и с этой стороны фронта информировать в особенности о том, как в России растет сопротивление против интервенции. Я сказал себе, что настало время для ликвидации нашей акции в России, пока она не стала причиной внутривосточной кампании. Я узнал, что Советское правительство с большой радостью ликвидировало бы конфликт. И тогда я написал Советскому правительству сообщение, в котором опроверг все то, что утверждала советская сторона о нашей контрреволюционности, я показал, как до последней минуты с согласия французов мы старались предотвратить конфликт, в какой мере были повинны тогда в возникновении конфликта международная русская политика и агитация чешских большевиков, и обратил внимание:

1) что те наши товарищи, которые сидели вместе с нами, не занимали ответственных политических постов и поэтому не могут нести ответственность; я требовал их освобождения.

2) я указал на необходимость информирования с этой стороны наших политических кругов и требовал, чтобы мне, как лицу, не участвовавшему непосредственно в конфликте, была предоставлена возможность уехать домой. Относительно возможности ликвидации я высказался как о своем личном мнении.

После длительных совещаний и колебаний, по настоянию Ленина и Карахана, мне было дано разрешение на возвращение. Меня попросили передать в Праге, что Советское правительство готово пропустить войска через свою территорию с условием, что оружие они повезут в специальных поездах.

В Праге я доложил обо всем этом проф. Масарику, который одобрил мое поведение, полностью согласился с моей точкой зрения и указал лишь на необходимость повременить с действиями в связи с международной обстановкой. Я это делаю. Однако я исползую любую негласную возможность для того, чтобы подчеркнуть свое убеждение: 1) в необходимости ликвидации нашей кампании в Сибири и 2) в необходимости нашего неучастия в интервенционистской политике, причем своевременно, пока может быть предотвращена опасность: а) разложения легионов и б) внутренней политической борьбы по этим вопросам.

На все то, что я сделал, я не только имел право, но это было моим гражданским и национальным долгом. Я слишком хорошо знаю легионы, чтобы не видеть, как парни смотря на вещи. От господина Чермака из французских легионов я слышал, что одна из наших неудач состоит, и по Вашему личному мнению, в том, что мы остались в России.

Наша вина состояла лишь в том, что в ужасно тяжелом положении мы не сумели сохранить в достаточной мере хладнокровное благоразумие и что во многом неправильно оценивалась ситуация. Не было понимания недоверия Советского правительства к нам, вытекающего из отношения к нему, в частности Франции, и из агитации антисоветских партий вокруг нас и среди нас.

Моя совесть абсолютно спокойна. То, что я делал, я предпринимал в пользу нашему делу и заботился больше о чистом, длительном

успехе, нежели о кратковременном эффекте, который таил в себе пагубные осложнения*.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы откровенно написали мне о своем мнении и суждении о том, что Вы хотите сделать для того, чтобы мы вовремя избежали опасностей, о которых я упоминаю. Поверьте, что цена, которую мы платим, особенно французским, ныне правящим политическим кругам, слишком велика, и те, кто придет завтра, могут не признать ее.

Я посылаю Вам для информации журнал Садуля. Он и Паскаль являются, как написал о них «Матен», очень честными людьми и хорошими французами. Они разошлись с нынешним правительством по причине его политики в России, которую уже не могли одобрять. Чехословацкая афера превратила Паскаля в большевика: генералом Лавернем он был послан в Сибирь, видел, что солдаты не хотели оставаться в России и хотели вернуться во Францию, и утверждает, что, хотя и трудно и с какими-то жертвами, можно было бы урегулировать конфликт, если бы из Вологды не пришли внезапно новые распоряжения, противоречившие прежним: остаться и соединиться с антибольшевистскими группами. Прошу после ознакомления с журналом вернуть его мне.

От д-ра Марковича я знаю, что и Вы думаете о ликвидации и понимаете невыгоды нашего слишком активного участия в этом деле. Но Вы знаете здешнюю обстановку лучше, чем я, и поэтому сумеете решить, что и когда можно будет предпринять. Я только прошу: действуйте как можно быстрее и лучше рискните пойти на небольшую неприятность с тем, чтобы избежать больших.

С приветом
П. Макса¹

*AMZV, Praha, Pařížský archiv, č. 19, dok.
č. 2161.*

Копия. Перевод с чешского.

¹ П. Макса перед своим отъездом из Москвы взял у В. Ружички, одного из руководителей Чехословацкой группы РКП(б), письмо для вехавшего на родину бывшего председателя ЦИК группы А. Муны. В этом письме Ружичка сообщал, что «профессор Макса был отпущен из России по решению ЦИК и что именно Ленин добивался этого». Далее Ружичка писал: «Проф. Макса имел длительную аудиенцию у Ленина, и ему действительно поручена неофициальная миссия к чешскому правительству, касающаяся, с одной стороны, предоставления чехословацкому корпусу возможности возвращения через Россию, а с другой, установления связи между чешским правительством и русским по вопросу о перевозке пленных. Оба эти мероприятия, если удастся их осуществить, могут существенно изменить отношение чешского правительства к русскому, а тем самым и отношение чешского правительства к союзникам и весь курс внутренней и внешней политики» (AMZV. Pařížský archiv, č. 19, dok. č. 2161.)

* Пока я выступаю от имени легионеров, я говорю о значении их работы. Никто не может лишить меня права заботиться о них (примечание П. Максы).